

Функция вещи в мотиве пути (на материале калмыцкой волшебной сказки)

Баира Басанговна Горяева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Горяева Б. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* При изучении вещи главным определяющим началом является основное свойство или функция, которую она выполняет. Функция — основание для систематики вещи в исследованиях. *Результаты.* Анализ текстов калмыцких сказок показал, что, отправляясь в путь, герои берут с собой вещи, некогда сопровождавшие человека при похоронах, переходе в иной мир. Длительность пути в сказке передается через описание железных, символизирующих прочность, предметов, которые изнашиваются к концу пути. На калмыцком материале отмечается случай дополнения посоха и обуви другими вещами из железа (трехслойный панцирь из котла, трехслойный шлем из плоскодонного котла). Материал калмыцкой волшебной сказки дает расширение количества железных предметов, которые под влиянием сказочной традиции, наряду с посохом и обувью, также представляются железными. При отправлении в дальний путь в иной мир чудесная супруга дает герою клубок нитей, который выполняет в сказке путеводную функцию, и вещи-атрибуты (золотой гребень, желто-пестрый платок и золотое кольцо), имеющие функцию опознавания. В мотиве пути калмыцкая волшебная сказка дополняет ковер-самолет еще двумя предметами и наделяет триединство этих вещей одной функцией — транспортной. При бегстве от мусов-людоедов используются полученные от родителей вещи, трансформирующие сказочное пространство. Точило, рубель и шумовка превращаются в труднопреодолимые горы и густой дре-

мучий лес. От отца герой, отправляющийся в путь, получает также меч, который украдкой используется волшебным помощником по своему назначению и незаметно возвращается герою. Тексты на сюжетный тип «Благодарный мертвец» показывают, что герой, вымолвленный сын зажиточных родителей или ханский сын, отправляется в путь с золотом и серебром, деньгами, которые имеют устойчивую ассоциативную связь с «иным» миром. При рассмотрении функции вещи в мотиве пути калмыцкой волшебной сказки отмечаются универсальные предметы (посох, обувь, еда, деньги), использовавшиеся в традиционных обрядах перехода у многих народов, в том числе и у калмыков, а также специфичный, заимствованный из культуры русского народа — глиняный горшок *буни*, который является нетрадиционным для быта калмыцкого народа.

Ключевые слова: калмыки, волшебная сказка, мотив, путь, вещь, функция

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Горяева Б. Б. Функция вещи в мотиве пути (на материале калмыцкой волшебной сказки) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 1. С. 8–30. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-1-29-8-30

The Function of the Thing in the Motif of the Path (based on the material of the Kalmyk fairy tale)

*Baira B. Goryaeva*¹

¹Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Plishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Goryaeva B. B., 2024

Abstract. *Introduction.* When studying a thing, the main defining principle of it is the main property or function that it performs. Function is the basis for the systematics of things in research. *Results.* The analysis of the texts of Kalmyk fairy tales showed that when setting out on a journey, the characters take with them things that once accompanied a person at a funeral, the transition to another world. The length of the path in the fairy tale is conveyed through the description of iron, implying strength, objects that wear out by the end of the path. On the Kalmyk material, there is a case of adding a staff and shoes with other things made of iron (a three-layer shell from a boiler, a three-layer helmet from a flat-bottomed boiler). The material of the Kalmyk fairy tale provides an expansion of the number of iron objects, which, under the influence of fairy-tale tradition, along with a staff and shoes, also appear to be iron. When setting off on a long journey to another world, the wonderful spouse gives him a ball of threads, which performs a guiding function in the fairy tale and things-attributes (a golden comb, a yellow-mottled handkerchief and a golden ring) that have the function of identification. In the motif of the way, the Kalmyk fairy tale complements the magic carpet with two more objects and gives the trinity of these things one function — transport. When escaping from man-eating mousses, things are used that transform the fabulous space received from parents. The grindstone, the chopping block and the skimmer turn into insurmountable mountains and a dense forest. From his father, the hero, who sets off on a journey, also receives a sword, which is stealthily used by a magical assistant for its intended purpose and imperceptibly returned to the hero. The texts on the “Grateful Dead” plot type show that the hero, the begged son of wealthy parents or the khan’s son, sets off on a journey with gold and silver, money that has a stable associative connection with the “other” world. When considering the function of an item in the motif of the Kalmyk fairy tale path, universal objects (staff, shoes, food, money) used in traditional rites of passage by many peoples, including the Kalmyks, as well as a specific one borrowed from the culture of the Russian people — the clay pot *buhsh*, which is unconventional for the life of the Kalmyk people, are noted.

Keywords: Kalmyks, folktale, plot, motif, path, thing, function

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project name «Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural

Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China» (state registration number: 123021300198-4).

For citation: Goryaeva B. B. The Function of the Thing in the Motif of the Path (based on the material of the Kalmyk fairy tale). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 1: 8–30. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-1-29-8-30

1. Введение

Согласно Т. В. Цивьян, «словарное значение вещи следующее: неодушевленный предмет, принадлежащий к движимому имуществу, предмет физического мира, предмет чувственного восприятия, то есть нечто конкретное по преимуществу, осязаемое или, во всяком случае, воспринимаемое с помощью пяти основных чувств; к этому же — максимально оторванное от осязаемости „философское“ значение, положенное в основу описания и анализа картины мира. Но есть еще одно значение, как бы противоречащее всему перечисленному: слово вещь выступает в роли неопределенного местоимения нечто» [Цивьян 2001: 125].

Природа вещи в культурном контексте рассмотрена В. Н. Топоровым. Им подчеркнут антропологический аспект вещи: «Прежде всего вещь — творение, элемент тварного мира, и как таковая она не может не нести отпечаток своего творца — человека» [Топоров 1995: 28].

При рассмотрении вещи в традиционной культуре тюркских народов С. М. Богомаз отмечает: практически все исследователи сходятся во мнении о том, «что главным определяющим началом вещи является ее основное свойство или функция, которую такая выполняет. Функция зачастую является основанием для систематики вещи в науке» [Богомаз 2008: 122–123].

Определенные вещи сопровождают героя калмыцкой волшебной сказки в дальнем пути, полном опасностей. Он берет вещи, которые помогают ему в дороге. В пути герой сказки встречает чудесных помощников / дарителей, выполняет трудные задания отца невесты, добывая себе жену.

По словам В. Я. Проппа, композиция волшебной сказки строится на пространственном перемещении героя, ее сюжет повествует о представителях двух поколений [Пропп 2001: 36]. Мотив пути является сюжетообразующим в волшебной сказке.

В данной статье нами впервые рассматривается функция вещи в мотиве пути калмыцкой волшебной сказки.

2. Материалом для статьи стали опубликованные на «ясном письме» (тодо бичиг) [Позднеев 1889], в транскрипции на латинице [*Kalmückische Sprachproben* 1909] и в современной калмыцкой орфографии на кириллице тексты волшебных сказок [Хальмг туульс 1961; Хальмг туульс 1968; Хальмг туульс 1972; Калян 1994]. Из имеющегося в нашем распоряжении корпуса текстов для анализа были привлечены сказки на сюжетный тип СУС 508 «Благодарный мертвец»: текст, опубликованный А. М. Позднеевым [Позднеев 1889: 307–346], сюжет под номером 15 в сборнике образцов калмыцкого языка Г. Й. Рамстедта «*Kalmuckische marchen*» («Калмыцкие сказки») [*Kalmückische Sprachproben* 1909: 74–104]; «Алтн Өргч хаана нутгин Мөңгн Өргчк гидг өвгн» («Старик по имени Мёнген Оргечик из нутука хана Алтан Оргечи») [Хальмг туульс 1961: 121–127]; «Арсмч хаана көвүн Өөс Темн Мергн хойр» («Сын Арсамчи хана и Ээс Мерген Темне») [Хальмг туульс 1968: 12–17].

Рассмотрены сказки и на сюжетный тип СУС 400 «Муж (жена) ищет исчезнувшую жену (мужа)»: текст под номером четыре в записи венгерского ученого [*Kalmyk Folklore* 2011: 235–239; Горяева 2017: 17–19], сказки в первом [Хальмг туульс 1961: 204–206] и последнем томах «Хальмг туульс» («Калмыцкие сказки») [Хальмг туульс 1974: 11–15], сказка «Цецн күүкн» («Мудрая девушка») из репертуара сказителя Санджи Бутаева (1926–1979) [Буутан Санжин 2008: 87–93].

Сказка «Мергн көвүн Царкин хан хойр» («Юноша-стрелок и Царкин хан») на сюжетный тип СУС 465 «Красавица-жена («Пойди туда, не знаю куда»)» зафиксирована на ойратском ясном письме «тодо бичиг» [Позднеев 1891: 17–48], переиздана в третьем томе сборника «Хальмг туульс» («Калмыцкие сказки») в современной калмыцкой орфографии на кириллице [Хальмг туульс 1972: 186–197]. Вариантами сказок на данный сюжетный тип являются сказки: «Өнчн көвүн Бөк» («Юноша-сирота Бёк») из репертуара Э. К. Лиджиева [Алтн зүн темн 1995: 19–22] и «Хаана тускар»

(«О хане») из репертуара сказителя С. Ш. Бутаева [Буутан Санжин туульс 2008: 50–64].

Сказки на сюжетный тип СУС 567 «Чудесная птица» представлены несколькими вариантами: текст под № 10 в сборнике Г. Й. Рамстедта в транскрипции на латинице [Kalmückische Sprachproben 1909: 29–31], сказка «Гунуха Дөнэкэ хойр» («Трехлетний и Четырехлетний») [Хальмг фольклор 1941: 130–135; Хальмг туульс 1961: 67–71], сказка «Эк уга үлдсн хаана хойр көвүн» («Два ханских сына, оставшихся без матери») [Хальмг туульс 1972: 150–162], сказка «Алтар өндглдг богшурһа» («Воробей, несущийся золотом») [Калян 1994: 128–129], сказка «Алtn нунһсн» («Золотая утка») [Т. С. Тягинован амн урн... 2011: 43–48].

На сюжетный тип СУС 315 «Звериное молоко» рассмотрены сказки: из сборника «Седклин күр» («Задушевный разговор») [Седклин күр 1960: 81–86], «Көвүн күүкн хойрта эмгн өвгн хойр» («Старик и старуха, у которых были сын и дочь») [Хальмг туульс 1974: 15–18], «Күрлдэ Мергн» («Кюрлдя Мерген») [Алtn зүн темн 1995: 15–19].

Проанализирована также сказка «Муст өгсн көвүн» («Юноша, отданный мусу»), включающая как эпизод сюжетный тип СУС – 811* «Отдай, чего дома не оставил» [Хальмг туульс 1961: 215–216].

3. Методология

При рассмотрении функции вещи в мотиве пути на материале калмыцких волшебных сказок мы опирались на исследования В. Я. Проппа по генезису («истории») волшебной сказки [Пропп 1986]. При анализе учтен нами также опыт изучения предметных реалий и их роли в формировании художественно-поэтического мира волшебной сказки и построении ее сюжета [Добровольская 2009]. В. Е. Добровольская выделяет матрицу значимых параметров предметных реалий, выявляет их взаимосвязь друг с другом и отмечает зависимость их значений от сюжетного и функционального типа реалий [Добровольская 2009].

Актуальны для нашего исследования материалы этнолингвистического словаря «Славянские древности», созданного

по замыслу и под общей редакцией академика Н. И. Толстого [Славянские древности 2004], а также учебное пособие Р. М. Ханиновой по поэтике вещи в литературе [Ханинова 2012].

4. Железные вещи в мотиве пути

Изучив обширный фольклорный и этнографический материал, В. Я. Пропп отмечал, «что обувь, посох и хлеб были те предметы, которыми некогда снабжали умерших для странствий по пути в иной мир. Железными они стали позже, символизируя долготу пути» [Пропп 1986: 49]. При этом из соединения посох + хлеб + сапоги может выпасть одно или даже два звена, поэтому может упоминаться только хлеб, или только обувь, или только посох. Зачастую хлеб, принимая черты рационализации, превращается в сухари, подорожники и др., а посох — в палочку или палицу, которая «никогда не играет роли оружия» [Пропп 1986: 49].

Анализ текстов калмыцких волшебных сказок показал, что, отправляясь в путь, герой также берет с собой железные вещи: посох и обувь. Такие предметы некогда сопровождали человека при похоронах, переходе в иной мир, они использовались в похоронном обряде этноса [Шараева 2010: 46], а в сказочном тексте стали железными.

Так, в калмыцких сказках на сюжетный тип СУС 508 «Благодарный мертвец» бездетные старик и старуха обладают несметным богатством в виде четырех видов скота, но не имеют наследника. Из четырех вариантов сказок на данный сюжетный тип в одной — «Алтн Өргч хаана нутгин Мөңгн Өргчк гидг өвгн» («Старик по имени Мёнген Оргечик из нутука хана Алтан Оргечи») старик отправляется в путь к своему заячи (вершителю судьбы), чтобы просить его ниспослать сына. Несмотря на свои табуны лошадей, в путь старик отправляется пешком: *Тигэд өвгн йисн давхр төмр башмг цутхулжэ авад, йисн алд төмр тайг келгүлжэ авад, заячдан одхар йовһар һарад йовна* 'Поэтому старик повелел выковать девятислойные железные башмаки, девятиязыженный железный посох, взяв их, пешком отправился к своему заячи'¹ [Хальмг туульс 1961: 121].

---

¹ Здесь и далее перевод автора. — Б. Г.

В другой сказке «Алтн Өргчк хаани нутгт бээдг Мөңгн Өргчк байна көвүн Манжин Зэрлг ялч көвүн хойрин тууль» («Сказка о Манджин Зарлике сыне богача Менген Оргечик, живущем в нутке хана Алтан Оргечик, и юноше-слуге») длительность пути старика описывается традиционной формулой («день за день не считая, ночь за ночь не считая») и усиливается еще одной формулой: «сколько дней, ночей, сколько месяцев шел, кто знает» [Позднеев 1889: 307]. К границам кочевий старик подходит через «семью семь сорок девять дней», так как, согласно представлениям калмыков, именно за этот период времени душа достигает иного мира [Калмыки 2010: 272–275].

Из четырех вариантов сказок на сюжетный тип СУС 400 «Муж (жена) ищет исчезнувшую жену (мужа)» в сказке «Моһа көвүн» («Юноша-змей») ханская дочь использует в пути железный посох и обувь. Из-за сжигания его змеиной кожи чудесный супруг покидает героиню в обличии желтоголового лебедя со словами, чтобы она не искала его, поскольку он улетает жить в место слияния неба и земли. Супруга после этого отправляется вдогонку и добирается до него, когда железный посох истерся до размеров большой пяди, а железная обувь износилась: *Төмр тө болтльн гүүһэд, төмр сөөкдән элтльн гүүһэд, ик теңгр һазр хойран хоорнд күрэд ирв* [Хальмг туульс 1961: 205]. Длительность пути передается через описание железных предметов, отличающихся прочностью, изнашивающихся к концу поисков.

В сказке «Муст өгсн көвүн» («Юноша, отданный мусу»), включающей как эпизод сюжетный тип СУС – 811* «Отдай, чего дома не оставил», старик обещает своего младшего сына мусу. В назначенное время юноша приходит к условленному месту, вытаскивает из огня желтоголового змея, превращающегося в черного муса, которому старик и обещал своего сына. Юноша женится на дочери муса, позже, когда мус постарел, он возвращается с женой домой к родителям. Его старший брат, никогда не выходивший из дома, однажды вышел и увидел супругу брата. После требований старшего сына женить его на супруге младшего брата, родители решают известить младшего, отправив его к прадеду с тем, чтобы вернуть пять коз, которых когда-то поднесли праотцу [Хальмг туульс 1961: 215–216]. Герой отправляется в иной мир к своему прадеду.

Супруга снабжает в дорогу мужа мясом ста лошадей, ста коров, ста овец, которое долго варит все вместе, уваривает и крошит так, что оно помещается в один кожаный мешок (*зун мөр, зун үкр, зун хө шишлүлэд чанад, давтэж-давтэж, нег түңгэргэт болһад өгв*) [Хальмг туульс 1961: 216]. После этого юноша отлиывает железный посох и железные башмаки и отправляется в путь. Таким образом, герой указанной сказки преодолевает долгий путь в его горизонтальном виде: *Кеду хонг йовсинь күн медхи* ‘Никто не знает, сколько дней он шел’ [Хальмг туульс 1961: 216].

Дойдя до входа в нижний мир, юноша преодолевает пространство в его вертикальном разрезе: *Тер нукна амн деер суһад, хотан идчкэд, нүдэн аняд, чикэн атһад кишев. Жуугэж, жуугэж дора замб түвд күрв* ‘Сев на краю той ямы, поев, зажмурил глаза, зажал уши и упал [в яму]. Стремительно падал, падал и достиг нижнего мира’ [Хальмг туульс 1961: 216].

Отметим случай, когда посох и обувь дополняются другими вещами из железа. В сказке «Догшин Хар баатрин хойр көвүнэ тууль» («Сказка о двух сыновьях Догшин Хара богатыря») на сюжетный тип СУС 315 «Звериное молоко» герой в гневе на свою мать разбивает вдребезги котел, делает из него трехслойный панцирь и надевает его, разломав плоскодонный котел, делает трехслойный шлем. Разбив чугун, выплавил трехслойные железные башмаки и обулся. Сломав треногу, сделал посох длиной в три сажени и еще полсажени (*Экдэн уурлад, ик хээсэн хамх цокад, һурвн давхр кө хуйг кеж өмсв, бэкрсинь хамх цокад, һурвн давхр дуулх кев. Чугуһан хамх цокад, һурвн давхр төмр сөөкэ кеж өмсв. Тулһан хамх цокад һурвн алд дөлм тайг кеж авб*) [Хальмг туульс 1961: 143].

Таким образом, материал калмыцкой волшебной сказки демонстрирует расширение количества железных предметов, которые сопровождают героя в дороге. Панцирь и шлем, составляющие часть одеяния богатыря, под влиянием сказочной традиции, наряду с посохом и обувью, также становятся железными.

В. Е. Добровольская, рассмотрев в русской волшебной сказке знаки, информирующие о длительности пути, — башмаки, колпак и сухари, заметила: «Воспользовавшись предметами реальной практики, необходимыми для дороги (в путь обычно отправляются в специальной обуви, в шапке и с запасом еды), сказка не усилила

защитные функции обуви, одежды и еды, не приписала им дополнительные свойства, а осмыслила их как вещи, сделанные из чрезвычайно прочного материала (железа) и тем самым подчеркнула сложность и длительность пути» [Добровольская 2009: 79].

5. Клубок как путеводитель

В калмыцких сказках на сюжетный тип СУС 465 «Красавица-жена («Пойди туда, не знаю куда»)» чудесная супруга, отправляя мужа в иной мир за неведомо чем невесть куда, дает ему клубок нитей. В сказке «Мергн көвүн Царкин хан хойр» («Юноша-стрелок и Царкин хан») [Позднеев 1891: 17–48; Хальмг туульс 1972: 186–197] жена советует мужу, который собирался ехать верхом на лошади, идти пешком. Поэтому герой пускается в путь, сделав три шага от двери и бросив перед собой клубок нитей: *Нөкрнь тер моһлицг утиць авад, мөрэн тэвэж оркад, үүднэсн һурв алхад, хайжэ орке* [Позднеев 1891: 25; Хальмг туульс 1972: 189].

В сказке «Өнчн көвүн Бөк» («Юноша-сирота Бёк») из репертуара Э. К. Лиджиева чудесная супруга также дает клубок ниток (*моһлицг утиц*) герою со словами, чтобы он шел вслед за клубком, который приведет к ее сестрам за помощью [Алтин зүн темн 1995: 19].

В сказке «Хаана тускар» («О хане») из репертуара сказителя С. Ш. Бутаева чудесная супруга отправляет героя к своим трем тетям, сестрам по матери (*һурвн наһц эгч*), вслед за клубком (*монда утиц, моһлицг утицан*), чтобы они помогли ему найти нечто неведомо откуда [Буутан Санжин туульс 2008: 54].

Ср.: мифопоэтическое значение клубка нитей в традиции славянских народов характеризуется следующим образом: «Н[ить] в клубке — символ длины и бесконечности, пути и дороги, благодаря ей сказочный герой преодолевает испытания» [Славянские древности 2004: 402].

При рассмотрении предметных реалий русской волшебной сказки клубок нитей отнесен В. Е. Добровольской к средствам, информирующим о дороге и указывающим путь. Образ клубочка имеет «глубокие мифологические корни и осознается мифопоэтической традицией <...> как воплощение нити и ассоциированных с ней представлений о жизни и связывающих элементах простран-

ства (наиболее известный пример такого рода нить Ариадны)» [Добровольская 2009: 77]. Клубочек выполняет в сказке путеводную функцию, наряду с другими шарообразными предметами, служит указателем пути и направления. По мнению В. Е. Добровольской, в некоторой степени эти вещи можно рассматривать как замену помощника героя [Добровольская 2009: 77].

В. Я. Пропп видел «теснейшее родство» между волшебным помощником и волшебными предметами, которые «представляют собой лишь частный случай помощника» [Пропп 1986: 191].

В трех текстах калмыцких сказок клубок нитей является волшебным предметом, так как взят «оттуда» и вручается чудесной супругой из иного мира: небожительницей, дочерью Хормусты-тенгрия, и дочерью муса.

«„Оттуда“ — это для более ранней стадии означает „из леса“ в широком смысле этого слова, а позже — предмет, принесенный из иного мира, а по сказочному — из тридесятого царства», — пишет В. Я. Пропп [Пропп 1986: 197].

Следует отметить случай, когда в сказке «Хаана тускар» («О хане») из репертуара сказителя С. Ш. Бутаева функцию путеводителя, помимо клубка, выполняет также хромоногая лягушка [Буутан Санжин туульс 2008: 56–60]. Это земноводное встречается тете чудесной супруги героя и сообщает ей, что знает, где находится то, что ищет муж ее племянницы. При этом лягушка велит ее поместить в глиняный горшок с молоком, периодически вылезая, приобретая размеры верблюда и помогая герою преодолевать преграды (океан, пожар). Возвращаясь в горшок, лягушка указывает направление, в котором надо двигаться герою:

Меклэ:

— *Тиггэд йов, зүн һар тал йов, барун һар тал йов, һоодан йов.*
— *Йов гисэрнь йовадл йовнал.*

‘Лягушка:

— Так иди, налево иди, направо иди, прямо иди. — Он идет, куда она говорит’ [Буутан Санжин туульс 2008: 57].

Обратим внимание, что глиняный горшок *буһи* не является традиционным для культуры калмыцкого народа. Вероятно, сказитель Санджи Бутаев, проживавший на границе с донскими казаками, зная русский язык и устную традицию, использовал мотивы из

русской сказки «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» на сюжетный тип СУС 465 «Красавица-жена». Сюжет калмыцкой сказки «Хаана тускар» («О хане») близок к русскому варианту и сходится в описании лягушки как путеводителя: «Старуха принесла большую банку, налила свежим молоком, посадила в нее лягушку и дает зятю: „Неси, — говорит, — эту банку в руках, а лягушка пусть тебе дорогу показывает“» [Афанасьев 1985: 114].

6. Вещи-атрибуты чудесного супруга / супруги

Герой калмыцких сказок на сюжетный тип СУС 465 «Красавица-жена» отправляется в дальний путь, следуя за клубком нитей. При этом в сказке «Мергн көвүн Царкин хан хойр» («Юноша-стрелок и Царкин хан») чудесная супруга догоняет его и дает золотой гребень со словами: *Толһатн дээкрн цагт самлж йовтн, — гинэд, нег алтн сам көвүнд өгв.* ‘Когда у вас спутаются волосы, то расчешите’ [Позднеев 1891: 25; Хальмг туульс 1972: 189].

Золотой гребень супруги-небожительницы не раз сослужит добрую службу своему новому владельцу. Узнав гребень младшей сестры, старшие сестры всячески помогают зятю. Старшая из них повелевает животными так же, как Баба-Яга. Она взяла свою золотую дудку-бюшкюр, поднялась на крышу дворца и стала играть на ней. Когда зазвучали сто восемь мелодий печали, шестьдесят две мелодии радости, прилетели поверху летающие птицы, явились внизу обитающие насекомые и встали в круг.

Никто из этих живых существ не смог помочь герою и указать предмет его поисков. Еще раз старшая сестра стала играть на дудке: все водные обитатели — змеи, лягушки, рыбы, черепахи и раки вышли и вокруг нее собрались. Самым последним появился хромой хан раков, который подсказал путь герою [Хальмг туульс 1972: 190–191].

В данном случае гребень чудесной жены, представительницы иного мира, в калмыцких волшебных сказках соотносим по своей функции со знаками, содержащими информацию о принадлежности героя к определенной группе, классифицированной В. Е. Добровольской на материале русской волшебной сказки.

Гребень как индивидуальное средство является атрибутом чудесной жены героя. Гребень героини — золотой (*алтн сам*), со-

гласно исследованиям В. Я. Проппа, это признак принадлежности иному миру [Пропп 1986: 284–286]. Благодаря этому гребню старшие сестры узнают зятя — мужа своей младшей сестры и помогают сироте решить задачу хана.

В варианте сказки на сюжетный тип СУС 465 «Красавица-жена» из репертуара Э. К. Лиджиева «Өнчн көвүн Бөк» («Юноша-сирота Бёк») герой, следуя за клубком, попадает в лес и добирается до прекрасного дворца, средняя сестра узнает зятя по клубку нитей, который он получил от своей жены: *Бээшцгүр орад ирв: моһлицг утц үзчкэд, дү күргэн таянд, учр-зөвинь сурад, идэ-ундынь өгэд, хонулад, өрүн: «Не, эн моһлицг утцна ормар гү, мини эгч медх», — гихэд көлврүлэд өгв: утцна ормар гүүһэд һарв* ‘Вошел он во дворец: увидела клубок нитей, узнала зятя своего, расспросила, накормила, спать уложила, утром: «Ну, следом за этим клубком нитей беги, моя старшая сестра будет знать», — сказала и бросила клубок: следом за нитью побежал’ [Алтн зүн темн 1995: 19]. Старшая сестра также узнала зятя по клубку нитей: *Көлврси моһлицг утц үзэд, дү күргэн таянд...* [Алтн зүн темн 1995: 19–20].

Таким образом, клубок нитей в калмыцкой волшебной сказке, помимо путеводной функции, выполняет еще и атрибутивную — распознавание.

В других сказках чудесная супруга-небожительница может дать в дальний путь иную вещь, служащую ее атрибутом. Это желто-пестрый платок (*шар цоохр альчур*). В сказке «Мергн көвүн Царкин хан хойр» («Юноша-стрелок и Царкин хан») на сюжетный тип «Красавица-жена» желто-пестрый платок супруги служит сигналом для тигрицы: *Тенд нээжнр кель: «Эн мини альчур авч йовтн, — гиж, нег шар цоохр альчур өгв. Тер эм барс бийдэн довтлх цагт эн альчуриг һарһж үзүлтн, — гив. — Үзүлхлэ, эн альчуриг таньх. Таньхларн, танд юм келго, үсэн саалһж өгх. Тер юн ги[һә]д гихнь, нег цагт мини мал болж йовси билэ», — гив.* ‘Тогда супруга сказала: «Этот мой платок возьмите с собой» и дала свой желто-пестрый платок. — «Когда та тигрица будет нападать на вас, выгашите и покажите этот платок», — сказала. — «Когда покажете, узнает этот платок. Узнав, беспрепятственно даст надоть молока своего. Потому что когда-то она была моим домашним питомцем»’ [Позднеев 1891: 21–22; Хальмг туульс 1972:

187]. Тигрица, молоко которой является лекарством для излечения хана, видит желто-пестрый платок своей бывшей хозяйки и дает надоить молока: *Күрэд ирхләнһ, шар цоохр альчуран һарһад, сажһн үзүл. Альчуриһн үзэд, эм барс тогтһн тосч, «Көвүн, чи эн альчуриг һамаһас аввч?» — гиж сурснд, көвүн: «Мини нәәжһрин альчур», — гиж келснд, эм барс: «А-а, чи юн кергтә йовлач?» — гиснд көвүн: «Мана хан шарта болснд чини үс кергләж ирүв», — гиснд, «Тигмәс өтркһн бууж, савдан сааж ав», — гив. 'Когда приблизилась, вытащил желто-пестрый платок, встряхнул и показал его. Увидев платок, тигрица остановилась. «Юноша, откуда этот платок у тебя?» — спросила. Юноша: «Моей супруги платок», — ответил. На это тигрица сказала: «А-а, что за дело тебя привело?»». Юноша ответил: «Наш хан занемог, я пришел в поисках твоего молока». «Тогда быстрее слезай [с лошади], надои в свою посуду»' [Позднеев 1891: 22; Хальмг туульс 1972: 188].*

Следует отметить, что желто-пестрый (*шар цоохр*) цвет платка не случаен. Именно он является цветообозначением солнца в традиционной культуре, пестрота его отражает темные пятна на светиле. Связь предмета с солнцем есть признак иного мира, по В. Я. Проппу [Пропп 1986: 283–284].

В сказке «Хаана тускар» («О хане») на сюжет СУС 465 «Красавица-жена» чудесная супруга вручает мужу полотенце и наказывает пользоваться только им: *Геринһн күһһ һар арчдг альчур өгсһ бәәж. «Йир һамачһ һарһад, хот уусһ һазртан нур-һаран уһалго бичә уутһ. Нур-һаран уһасһ цагтан, күүнә альчурт һаран бичә арчтһ. Только эн эврәнһн альчурар арчтһ». 'Хозяйка, оказывается, дала полотенце. «Везде его вынимайте в местах, где будете есть, не ешьте, не помыв рук, не умывшись. Когда будете умываться, чужим полотенцем не вытирайте руки. Только этим своим полотенцем вытирайте»' [Буутан Санжин туульс 2008: 54–55]. В результате, следуя совету жены, герой пользуется только своим полотенцем, благодаря чему узнал ее тетями, которые помогают ему выполнить трудную задачу хана.*

Следует также отметить атрибут чудесного супруга из иного мира — золотое кольцо. В калмыцкой сказке «Цецһ күүкһ» («Мудрая девушка») из репертуара сказителя Санджи Бутаева на сюжетный тип СУС 400 «Муж (жена) ищет жену (мужа)» тенгрий-

небожитель, улетая в образе желтоголового лебедя, оставляет жене свое золотое кольцо, по которому он узнает ее в мире небожителей [Буутан Санжин туульс 2008: 87–93].

7. Вещи, перемещающие в пространстве

Перемещение героя в калмыцких волшебных сказках на сюжетный тип СУС 567 «Чудесная птица» происходит с помощью волшебных предметов, которые также доставлены из иного мира. Так, в сказке «Һунуха Дөнэкэ хойр» («Трехлетний и Четырехлетний») герой встречается с тремя людьми, которые не могут поделить золотую трость, ковер и шапку. Если ковер сложить вчетверо, надеть шапку, взять посох и, сев на ковер, ударить им, указав направление, он доставит куда угодно: *Кевсинь дөрвлжлжэ эвкэд, махлаһинь өмсчкэд, тайгинь авад, кевс деер суучкад, хамаран болочн тоб гигэд тайгарн цокхла, туунд күргдмн* [Хальмг туульс 1961: 95]. То, что посох является золотым, показатель его принадлежности иному миру. Три вещи совместно выполняют одну общую функцию — транспортную: доставляют героя в нужное ему место.

В сказке «Эк уга үлдсн хаана хойр көвүн» («Два ханских сына, оставшихся без матери») на сюжетный тип СУС 567 младший из братьев встречает трех людей, дерущихся за три вещи: золотой ковер, золотой посох и черную шапку. Если сесть на золотой ковер и ударить золотым посохом со словами: «Доставь в то место, куда хочу!», то полетит и доставит в указанное место (*Алтн кевс деернь һарад суучкад, алтн тайгарнь: «Сансн һазртм күрг!» — гинһэд, цокчкхла, нисэд сансн һазрт күргдмн*) [Хальмг туульс 1972: 153].

Как средство передвижения ковер-самолет в калмыцких сказках приводится в движение ударом посоха и произнесением заклинания.

Как средство передвижения ковер-самолет в русских волшебных сказках, включающих как эпизод сюжет СУС 518 «Обманутые черти (лешие)», герой добывает обманом у мифологических персонажей. С его помощью герой в мгновение ока оказывается в нужном ему месте [Добровольская 2009: 96] без каких-либо сопровождающих действий.

В сказке «Алтар өндглдг богшурһа» («Воробей, несущийся золотом») три богатыря находят три волшебные (*эрдмтэ*) вещи,

которые должны доставить хану. Первая — стальной меч, который при взмахивании доставляет в любое место (*дайлад оркхла, дурта һазртнь күүрдг гинт болд үлд*), вторая — каракулевая черная шапка, при надевании которой становишься невидимым (*өмсэд оркхла, күүнд үзгддг уга замб хар махла*), третья — ворсистый желтый ковер, при расстилании он заполняется всевозможной едой и фруктами (*делгэд оркхла, аль сансн хот-хоолар, зер-земшиар дүүрдг үстэ шар кевс*) [Каляйн 1994: 129].

8. Вещи, препятствующие антагонисту

В калмыцкой сказке на сюжетный тип СУС 312 «Чудесное бегство» три сестры получают от родителей вещи, помогающие им сбежать от семьи мусов-людоедов («Норвн күүктэ эмгн өвгн хойр» («Старик и старуха с тремя дочерьми»)). Точило оставлено отцом для старшей дочери, для средней и младшей — мать оставила рубель и шумовку. Спасаясь бегством от стариков-мусов, три сестры заклинают эти предметы: *Ик күүкнь: «Минэн аавин бүлү болхла уул мөргн болад одх», — гинэд шибб. Эмгн уул мөрг давчадад үлдэд бээв.* ‘Старшая сестра: «Если это точило моего отца, то превратится в гору с выступами», — сказала и бросила. Старуха не смогла перебраться по горным уступам и осталась’; *Дундк күүкн: «Минэн ээжин эдрңг болхла ик-чик модн болад одх». Ик-чик модн болад, арднь үлдэдэв.* ‘Средняя сестра сказала: «Если это рубель моей матушки, то обратится в большой дремучий лес». Превратился в большой дремучий лес, осталась позади [старуха]’; *Бичкн күүкн келжэнэ: «Минэн ээжин шүр болхла, шү-хар модн болх», — гинэд шивэд оркв. Шү-хар модн болад, эмгн үлдэдэв.* ‘Младшая сестра сказала: Если это шумовка моей матушки, то пусть станет темным лесом» и бросила. Темным лесом стала, старуха осталась’ [Хальмг туульс 1968: 35].

Точило, рубель и шумовка использовались в быту калмыков-скотоводов. В сказке, полученные от родителей, они приобретают волшебные свойства, превращаясь в труднопреодолимые горы и густой дремучий лес, трансформируя сказочное пространство.

В варианте сказки на этот же сюжетный тип «Эгч-дү нурвн» («Три сестры») главные героини используют три предмета, доставшиеся от родителей: рубель, точило и гребень. Убегая от пре-

следующей старухи-людоедки, сестры бросают по очереди эти предметы, создавая антагонисту препятствия в виде кручи с помощью рубеля, в виде реки с помощью точила, в виде глубокой ямы с помощью гребня [Хальмг туульс 1972: 145–149].

По наблюдению В. Я. Проппа: «Лес в сказке вообще играет роль задерживающей преграды. Лес, в который попадает герой, непроницаем. Это своего рода сеть, улавливающая пришельцев. Такая функция сказочного леса ясна в другом мотиве — в бросании гребешка, который превращается в лес и задерживает преследователя» [Пропп 1986: 57].

Тексты калмыцких волшебных сказок показывают трансформацию пространства после бросания чудесных предметов. При этом антагонист с трудом, но все же преодолевает гору и лес. Непреодолимой для преследователя становится третья преграда — река, которая в традиционном мировоззрении этноса представляется границей миров.

«Это связано с сильной магической и мифологической функцией воды. Мифомагическая семантика воды была столь сильна, что даже после разрушения мифологического сознания и частичной трансформации сказочной поэтики, когда вместо трех элементов остается один, им является именно водная преграда. Вероятно, причина этого заключалась также в том, что вода и в реальном быту наиболее опасная и трудно преодолимая преграда» [Добровольская 2009: 104].

9. Меч как оружие

В сказке «Алтн Өргч хаана нутгин Мөңгн Өргчк гидг өвгн» («Старик по имени Мёнген Оргечик из нутука хана Алтан Оргечи») на сюжет «Благодарный мертвец» отец отправляюще-муся торговать сыну вручает короткий меч. *Өвгн оһтр хар үлдэн авад, хар ноһаһан дахулж һарад, көвүндэн одна. «Не, менд йович, — гигэд, ноха оһтр хар үлд хойран өгчкэд: Не, үүнэс һарад дола хонсн цагтнь ик хар толһа харһх, тер толһаһас өдрэр давж үзтн, толһаһас давад дола хонсн цагтчнь ик хар хаг харһх, түүнэс бас өдрэр давж үзтн, цань дола хонсн цагт ик цаһан элсн хаг харһх, түүнэс өдрэр давж үзтн» — гиж эцгнь көвүндэн келчкэд, мендләд хэrv* «Старик взял свой короткий черный меч,

свою черную собаку позвал, поехал навстречу сыну. «Ну, будь здоров, — сказал, собаку и черный меч отдал: Ну, как тронетесь отсюда, через семь суток встретится большой курган, постарайтесь тот курган проехать днем, как проедете курган, через семь суток сплошные солончаки будут, попробуйте их тоже днем проехать, после этого через семь суток белые пески покажутся, проезжайте их днем», — сказал отец своему сыну, попрощался и вернулся домой» [Хальмг туульс 1961: 123].

Отметим, что отцом меч дарится сыну при отправлении в опасный путь, движение по которому в сказке обозначается определенными локусами, представляющими угрозу для жизни героя. В указанных родителем героя местах обитают враждебные для него хтонические существа. При этом волшебный помощник устраняет всех антагонистов незаметно для героя и его же мечом, украдкой используя по своему назначению и незаметно возвращая герою. Меч в сказках на сюжет «Благодарный мертвец» является оружием предков, которое может одолеть врагов.

Другой пример в сказке «Көвүн күүкн хойрта эмгн өвгн хойр» («Старик и старуха, у которых были сын и дочь») на сюжетный тип СУС 315 «Звериное молоко»: брат и сестра, оставшиеся в своем кочевье одни, находят старый сломанный меч (*хуучн хам-хрха үлд*), который юноша использует как оружие и рубит муса [Хальмг туульс 1972: 15–16].

В русской волшебной сказке исследователями выделяются два типа оружия: меч = сабля, тесак и дубинка = палица, булава. С точки зрения генетических истоков этих предметных реалий важно то, что оружие, приобретенное или подаренное герою, связано с «иным» миром; в зависимости от типа сказочного сюжета это либо оружие предков, либо подарок «иномирного» персонажа [Добровольская 2009: 104].

10. Деньги в пути

Зачастую развитие действия волшебной сказки связано с отправкой в путь старшими представителями младшего поколения. Мотивировкой для отправления в путь детей служат различные обстоятельства. Однако в сказке на сюжетный тип СУС 508 «Благодарный мертвец» «Алтн Өргчк хаани нутгт бээдг Мөнгн

Өргчк байна көвүн Манжин Зэрлг ялч көвүн хойрин тууль» («Сказка о Манджин Зарлике сыне богача Менген Оргечик, живущем в нутке хана Алтан Оргечик, и юноше-слуге») герой сам изъявляет желание отправиться в путь с тем, чтобы торговать. Для этого он просит денег у родителей. Благодаря поддержке матери герой получает мешок (*тулум*) золота и отправляется в путь, взвалив его на спину. В пути он отдает золото в счет долга покойника [Позднеев 1889: 317].

В сказке, записанной от сказителя Санджи Манджикова, «Арсмч хаана көвүн Өөс Темн Мергн хойр» («Сын Арсамчи хана и Ээс Мерген Темне») родители умирают, и мальчик решает отправиться торговать: *Тийгэд, цаг цаглад нас бийэн эдлэд, хан хатн хойр өңгрв. Көвүнү үлдв. Көвүнү ухалад, санад бээһэд, эңгиннь йовжэ йовсн кергэр барш кеһэд бээхэр санжана* [Хальмг туульс 1968: 12]. Герой в пути встречается человека, избивающего мертвеца, отдает ему лопату золота и вызволяет мертвеца [Хальмг туульс 1968: 12].

В сказке, опубликованной Г. Й. Рамстедтом под номером 15, герой отправляется в путь, отдает деньгами долг умершего человека и предает его тело земле [Kalmückische Sprachproben 1909: 89].

Тексты на сюжетный тип СУС 508 показывают, что герой, вымоленный сын зажиточных родителей или ханский сын, отправляется в путь с золотом и серебром, деньгами, которыми отдает долг умершего, дарует ему покой, в результате обретая волшебного помощника – благодарного мертвеца, покинувшего иной мир с целью отплатить за добро.

Согласно К. А. Богданову, функция денег в фольклорных текстах отличается от их социальной функции в обществе. В фольклоре главными являются магическая и дифференцирующая (связанная с демонстрацией социального статуса персонажа) функции денег. Исследователь убедительно показывает ритуальные корни использования денег и их устойчивую ассоциативную связь с «иным» миром в русском фольклоре: «Связь богатства и ада и, в частности, богатства и адава огня поддерживается в фольклоре вполне определенно» [Богданов 1995: 65].

11. Заключение

В мотиве пути калмыцкой волшебной сказки используются определенные вещи: железный посох, железная обувь, железный панцирь, железный шлем, клубок нитей, золотой гребень, полотенце, платок, золотое кольцо, точило, рубель, шумовка, ковер-самолет, ковер (самобранка), меч, шапка, золото, серебро, деньги.

Все вещи принадлежат главным героям, использующим их на своем пути. Некоторые из этих вещей полифункциональны. Один и тот же предмет в сказочных текстах обладает разными функциями. Так, меч, помимо своей прямой функции оружия, выступает средством передвижения, клубок нитей не только путеводитель, но и как атрибут чудесной супруги служит средством опознавания. Ковер в сочетании с другими предметами в одних сказках становится средством передвижения героя, когда нужно сложить ковер, надеть шапку и стукнуть посохом, в другой сказке ворсистый, желтого цвета ковер при расстилании выполняет функцию скатерти-самобранки, аналогичную в русских волшебных сказках. Кроме того, шапка при надевании может делать ее носителя невидимым. По золотому гребню, принадлежащему чудесной супруге, узнают ее супруга. Обычный же гребень превращается в препятствие для антагониста. Необычным предметом в калмыцкой волшебной сказке является глиняный горшок, поскольку традиционная посуда и утварь у калмыков деревянная, кожаная и железная. В этой сказке такая вещь представляется заимствованной из русской сказочной традиции.

Таким образом, в результате рассмотрения функции вещи в мотиве пути калмыцкой волшебной сказки отмечаются универсальные предметы (посох, обувь, еда, деньги), использовавшиеся в традиционных обрядах перехода у многих народов, в том числе и у калмыков, а также специфичный, заимствованный из культуры русского народа — глиняный горшок «буһш», который является нетрадиционным для быта калмыцкого народа. Дальнейшее изучение функции вещей в калмыцкой волшебной сказке помогает выявить их особенности действия в мотиве пути того или иного сказочного сюжета.

Источники

- Алтн зүн темн 1995 — Алтн зүн темн (= Золотая игла). Сказки / составитель Э. К. Лиджиев. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1995. 120 х.
- Афанасьев 1985 — *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Изд. подг. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. В 3-х тт. Т. 2. М.: Наука, 1985. 463 с.
- Бакаева 2010 — *Бакаева Э. П.* Похоронно-поминальная орядность // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 270–281.
- Буутан Санжин 2008 — Буутан Санжин туульс (= Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2-х кн. Кн. 1 / вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с. Серия: «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»). На калм. и рус. яз.
- Горяева 2017 — *Горяева Б. Б.* Калмыцкие сказки в записи Габора Балинта // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 4. С. 6–32. DOI: 10.22162/2587-6503-4-4-6-32
- Калян 1994 — *Калян А.* Кел өргжүүлһнэ дегтр: дундын школын 5–9 класст дасх дегтр. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1994. 230 х.
- Позднеев 1889 — *Позднеев А. М.* Калмыцкие сказки // Записки восточного отделения русского археологического общества. 1889. Т. IV. С. 07–346.
- Позднеев 1891 — *Позднеев А. М.* Калмыцкие сказки // Записки восточного отделения русского археологического общества. 1891. Т. VI. С. 17–48.
- Седклин күр 1960 — Седклин күр. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1960. 86 х.
- Т. С. Тягинован амн урн... 2011 — Т. С. Тягинован амн урн үгин көрнгэс (= Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг.) / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 230 с. Серия: «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»).
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс (= Калмыцкие сказки). 1-гч боть (= 1 том) / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев, ред. У. Очиров. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1961. 220 с.
- Хальмг туульс 1968 — Хальмг туульс (= Калмыцкие сказки). 2-гч боть (= 2 том) / запись и сост. Бембеевой А. Ц. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1968. 267 х.
- Хальмг туульс 1972 — Хальмг туульс (= Калмыцкие сказки). 3-гч боть (= 3 том) / сост. Н. Н. Мусова, Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1972. 252 х.
- Хальмг туульс 1974 — Хальмг туульс (= Калмыцкие сказки). 4-гч боть

- (= 4 том) / сост. Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элст: Хальмг дегтр харгач, 1974. 274 х.
- Хальмг фольклор 1941 — Хальмг фольклор (= Калмыцкий фольклор) / барг белдснь Лежнэ Церн, Шалвра Хэрэ (= сост. Ц. Леджинов, Г. Шалбуров). Элст: Калмгосиздат, 1941. 466 х.
- Kalmückische Sprachproben 1909 — Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 s. (In Kalm. and in Germ.)
- Kalmyk Folklore 2011 — Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid – 19 Century. Philological Studies on the Basis of Gábor Bálint of Szentkatolna's Kalmyk Texts. Edited by Agnes Birtalan with the collaboration of T. G. Basangova (Bordzanova) and with the assistance of V. B. Gorjajeva. Budapest, 2011. 380 p.

Литература

- Богданов 1995 — *Богданов К. А.* Деньги в фольклоре. СПб.: Пушкинский дом, 1995. 128 с.
- Богомаз 2008 — *Богомаз С. М.* Вещь в традиционной культуре тюркских народов Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2008. № 3 (4). С. 121–126.
- Добровольская 2009 — *Добровольская В. Е.* Предметные реалии русской волшебной сказки. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. 224 с.
- Калмыки 2010 — Калмыки / отв. ред.: Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. 567 с. (Серия: «Народы и культуры»).
- Пропп 1986 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. 365 с.
- Славянские древности 2004 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 тт. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). Т. 3. М.: Междунар. отношения, 2004. 697 с.
- Топоров 1995 — *Топоров В. Н.* Вещь в антропологической перспективе (Апология Плюшкина) // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс — Культура, 1995. С. 7–111.
- Ханинова 2012 — *Ханинова Р. М.* Поэтика вещи в русской прозе XX века: учебное пособие. Элиста: Калм. ун-т, 2012. 188 с.
- Цивьян 2001 — *Цивьян Т. В.* К семантике и поэтике вещи. Несколько примеров из русской прозы XX века // Семиотические путешествия.

СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. С. 121–137.
Шараева 2010 — *Шараева Т. И.* Похоронно-погребальная обрядность у
калмыков: подготовка покойного к захоронению // *Oriental Studies*.
2010. № 3(2). С. 45–50.